

ОБСУЖДЕНИЕ МОНОГРАФИИ ЛЕОНИДА БЛЯХЕРА «ЖИЗНЬ В ПУСТОТЕ»

Бляхер, Л. Е., Григоричев, К. В., Ковалевский, А. В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place, 2024.

Надежда Галиева

«Глазами неспециалиста»

Рецензия на книгу Леонида Бляхера, Константина Григоричева, Андрея Ковалевского «Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования» (2024).

Надежда Илшатовна Галиева, научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-1967-3577

Электронная почта: galieva@ranepa.ru

Для цитирования: Галиева, Н. И. «Глазами неспециалиста»: Рецензия на книгу Леонида Бляхера, Константина Григоричева, Андрея Ковалевского «Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования» (2024) // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 2. С. 139–142.

139

Признаюсь, я не являюсь специалистом по теме, затронутой в книге, поэтому воспринимала ее скорее глазами внимательного неспециалиста, из числа «широкого круга читателей», с любопытством, но без теоретической подготовки.

Мой отзыв — не академический анализ, а попытка зафиксировать впечатления от прочитанного.

Книга начинается с размышлений о «пустом социальном пространстве», о том, что происходит с местами, из которых уходит власть. Идея интересная, но подана, на мой вкус, излишне витиевато, авторы как будто ходят кругами вокруг одной мысли, повторяя ее в разных вариациях. Ключевая идея становится понятной уже на первых страницах, но далее текст разрастается, превращаясь в тяжеловесное теоретическое рассуждение. Скорее всего, я просто не улавливаю их внутреннюю логику, но создается впечатление, что авторы бесконечно уточняют одно и то же, не прибавляя к смыслу ничего принципиально нового. Мысль утопает в сложных конструкциях, и приходится буквально «вылавливать» интересные идеи из общего потока. В итоге сложно удержать нить повествования, не всегда понятно, о чем конкретно идет речь и как связаны между собой фрагменты текста.

Совсем другое впечатление производят страницы, посвященные полевым экспедициям. Здесь текст оживает. Авторы описывают реальные маршруты, приводят схемы и фотографии, благодаря чему читатель буквально видит эти «пустые» пространства, где почти нет государства. Для меня, человека, любящего походы и имеющего за плечами геодезическое образование, эти описания особенно близки. Интересно наблюдать, как исследователи показывают жизнь людей в «пустоте», их взаимодействие с внешним миром, локальные формы власти, заботы и взаимопомощи, и ту своеобразную мораль, на которой держится местный порядок. Именно в этих полевых описаниях книга приобретает живость и эмоциональную силу, которая удерживает внимание неподготовленного читателя.

140

Тем не менее к методологической стороне остаются вопросы. Объявленные тридцать с лишним интервью кажутся малым числом для трех экспедиций и столь масштабного маршрута, а упоминание интервью «на ходу», без ориентации на гайд, без тщательной фиксации» вызывает недоумение, в экспедиции диктофон или телефон всегда с собой, а гайд — в голове. Авторы сами указывают на эти и некоторые другие ограничения, что делает исследование более честным

и прозрачным, однако все же остается ощущение некоторой методологической небрежности и поспешности.

Отдельные части книги уходят в исторические экскурсии о заселении, освоении, символике. Эти отступления на первый взгляд логичны и создают необходимый контекст, но по большей части чрезмерны. С моей точки зрения, исторические вставки не столько помогают лучше понять современную жизнь исследуемых пространств, сколько утяжеляют текст и затрудняют восприятие. Читаешь и ловишь себя на мысли, что исторические экскурсии не интегрированы в анализ настоящего и потому мало способствуют пониманию современных реалий «пустого» пространства.

При этом одной из наиболее убедительных и симпатичных мне идей книги остается предложенная авторами исследовательская перспектива: центр оказывается на окраине, а периферия — точкой, откуда виден центр. Эта смена оптики кажется мне не просто эффектной, но и концептуально важной. Она позволяет говорить о жизни не «от имени государства», а от имени тех, кто существует за пределами его видимости.

У меня осталось двойственное впечатление от книги. С одной стороны, чувствуется масштабный замысел, богатый эмпирический материал, живая вовлеченность авторов. С другой — текст перегружен, структура не выстроена, а мысль часто сбивается на побочные линии. Например, я постоянно ловила себя на том, что не понимаю, как связаны название параграфа и его содержание, внутри не хватает фокусировки. Даже те главы, где описаны реальные наблюдения, периодически превращаются в смесь размышлений, цитат и исторических справок. Возможно, это связано с академическим стилем авторов, но как читателю мне не хватило стройности и четкой линии аргументации.

Для специалистов, занимающихся антропологией власти и исследованием периферийных пространств, книга «Жизнь в пустоте», безусловно, ценна и как эмпирический материал, и как размышление о формах жизни за границами государства. Для неспециалиста же она может показаться тяжеловесной, текст перегружен и излишне витиеват, что мешает ему по-настоящему увлечь.

Однако в работе есть важная и вдохновляющая интуиция — показать жизнь «в пустоте» не как упадок, а как форму автономии, где люди выстраивают собственные правила и способы совместного существования. Ради этого взгляда книгу и стоит прочитать.